Посвящается Крису Ренфро.
Он — самый лучший. Правда. Самый-самый.

«Красота — это не просто нечто поверхностное. Внешность — наша визитная карточка. И мы, если хотим чувствовать себя замечательно и совершать замечательные деяния, должны усвоить эту неоспоримую истину. Поступая так или иначе, я всегда руководствовалась одним желанием — помогать людям, которых мир судит каждую секунду, каждый божий день».

Марни Спеллман
(из тележурнала NBC «Dateline»)

ПРОЛОГ

Позднее лето 2019 г.
Округ Уотком, штат Вашингтон

Две женщины, жившие в нескольких милях друг от друга, с разницей в несколько дней читали один и тот же отрывок из одних и тех же мемуаров. У обеих издания были потрепанные, с загнутыми уголками. Одна нашла книгу среди вещей матери, вторая взяла томик в каком-то архиве. Отдельные абзацы они выделяли желтым или розовым маркерами. Тронутые плесенью страницы испещрили пометками и вопросительными знаками, размышляя над историей Марни Спеллман. Переворачивая страницу за страницей, ставили под сомнение достоверность каждого слова в «Неуёмном сердце». Одна из читательниц искала ответы на вопросы о событиях, имевших место в пору её детства. Вторая штудировала книгу, чтобы постичь разум и душу её автора.

Снова и снова, даже когда открывалось невообразимое, книга служила им путеводителем, а потом, словно стрела, вонзалась в сердце каждой из них, одновременно раздражая и побуждая к действию.

* * *

В тот день после обеда родители уехали по делам на «большую землю», а нас с братом оставили трудиться на ферме. Отец велел вычистить хлев, а также перестелить солому в курятнике. Я ненавидела такую работу, и отец с матерью, я была уверена, специально поручили выполнить её в их отсутствие, — чтобы не слышать моих жалоб. От шестилетнего Кейси, конечно, толку было мало. Не сказать, что он не пытался мне помогать, но, как обычно, львиная доля работы ложилась на мои плечи. Как всегда. В довершение ко всему, по настоянию матери, мне, разумеется, надлежало прополоть огород и вымыть пол в кухне.

— До блеска, Марни.

Я почитала её. Скорее, просто как мать, а не из-за её отношения ко мне. Меня всегда жутко бесили её указания, которые она отдавала напевным голосом.

Кейси заявил, что устал помогать — хотя с чего бы ему уставать? — и мы решили передохнуть на вершине холма, увенчанного тремя древними кедрами, которые я нарекла Высочайшими особами, — в честь маминой любимой музыкальной группы «Сьюпримс». На наших угодьях это была самая высокая точка, откуда обозревалась вся округа. Я прихватила с собой сэндвичи и яблоки.*

Позже на меня посыплются упреки в том, что это я во всем виновата: если б взяла на пикник сэндвичи не с копченой колбасой, а с арахисовым маслом и джемом, всё было бы иначе. Говорили, что, возможно, толчком послужило мыло, которое сварила мать. Из лаванды, что росла у нас в саду, тройного помола — мы с братом сами его мельчили. Но найдутся и такие, кто скажет, что всё это ложь.

Кейси первым увидел пчелиный рой.

Мы лежали на спинах, смотрели на небо. Нас обдувал лёгкий ветерок, проникавший сквозь зелёную бахрому лиственного балдахина.

— Смотри! — вдруг вскричал Кейси, возбужденным от страха голосом.

Я проследила за оцепенелым взглядом брата. Рой появился над нами — сначала как тёмное облако, которое затем превратилось в колышущуюся волнообразную массу. Её природу в первую минуту я не распознала. Сориентироваться мне помог характерный шум. Пчёлы. Рой принимал различные формы, которые одновременно пленяли воображение и насмехались надо мной.

Скачущая лошадь, напоминавшая флюгер на нашем сарае.

Морская звезда на берегу.

Арка, подобная той, что есть в церкви, которую мы посещали в канун Рождества и на Пасху, как итог моего религиозного воспитания.

Я смотрела на рой и чувствовала, что падаю. Или, наоборот, поднимаюсь. Как-то так. Словно сила земного притяжения куда-то подевалась. Словно ньютоново яблоко поплыло по воздуху, а не упало на землю. Я слышала, как брат окликает меня, но даже его голос постепенно поглотила тишина. Я летела. Парила в воздушных потоках. Невероятно странное ощущение. Неповторимое. Казалось,

---

* The Supremes — амер. женское трио (1959–1977), один из самых успешных амер. музыкальных коллективов 1960-х гг.

меня поместили в казу. На моём лице — папиросная бумага, по коже стелется легкая влажность. Тихое монотонное жужжание поднимает меня ввысь, вращает, поворачивая к солнцу.*

Вверх.

Потом вниз.

Помнится, я думала, что умерла. Каким образом — затруднялась сказать. Что бы это ни было, я сознавала: со мной происходит нечто трансформирующее, сверхъестественное. Я превратилась в сосуд, наполненный мыслями и воспоминаниями о том, как меня куда-то уносило.

Вы можете это понять?

Смелости хватит?

«Неуёмное сердце»

Марни Спеллман

---

* Казу — американский народный музыкальный инструмент, применяемый в музыке стиля скиффл (skiffle). Казу представляет собой небольшой металлический, пластмассовый или деревянный цилиндр, сужающийся к концу. В середину цилиндра сверху вставлена металлическая пробка с мембраной из папиросной бумаги. Чтобы исполнять музыку на казу, нужно в него петь, при этом бумажная мембрана значительно изменяет голос.

Глава 1

9 сентября 2019 г., понедельник
Округ Уотком, штат Вашингтон

Рене Джонс толкала перед собой синюю прогулочную коляску по сырой лесной дорожке. После дождя тропинку развезло, одно переднее колесо перестало крутиться от налипшей на него глины, и катить коляску стало ещё труднее. Ко всему прочему. Она и представить не могла, что материнство сопряжено со столькими тяготами. Бессонные ночи. Нескончаемые вопли и плач ребёнка. Неодолимое стремление ускорить ход времени, приблизить ту минуту, когда доводами или подкупом она сумеет добиться от ребёнка желаемой реакции. Успокоения. Это всё, о чем она мечтала. Покой. Тишина.

От напряжения хватая ртом лесной воздух, Рене продолжала упорно катить вперед коляску. Она была в наушниках, но музыка в ушах не звучала. И подкасты тоже. Ничего. В сущности, наушники даже не были подсоединены к телефону: конец шнура опускался в карман куртки, застёгнутый на молнию. Наушники исполняли роль защитного механизма. Что-что, а вот общество сейчас ей точно не требовалось, она прекрасно обойдётся без зрителей, которые стали бы свидетелями её мучений.

Рене молилась, чтобы таблетки, которые прописал врач, помогли ей избавиться от вечной хандры, не отпускавшей её с тех пор, как родилась Карсон. За последние полгода она изведала всё самое худшее, на что обречена молодая мать.

Мама и подруги утверждали, что материнство — величайшее счастье на свете. Рене покачала головой. Это ложь, обман. Так говорят, потому что ты неожиданно пополнила ряды тех дурочек, которые понятия не имели, что их ждет после того, как свадьба сыграна, добрые пожелания выслушаны и коробки с подарками, обёрнутые в красивую бумагу и обвязанные красивыми бело-голубыми лентами, открыты. Ритуал посвящения в клуб замужних женщин символизировали благоухающие пионы и золотистый бисквит-

ный торт с белой сахарной глазурью, сформованной в виде высоких заснеженных горных пиков — ни дать ни взять вулкан Бейкер*.

Самый лучший торт на свете.

До того вкусный, что люди, съев один кусок, по глупости брали второй, третий.

Хотя понимали, что это вредно.

Карсон была очаровательной малышкой. Рене это знала, потому что ей о том постоянно твердили мама, сестра, все её друзья. Даже незнакомые люди в супермаркете «Хагген» у подножия холма Сихом. Да, у Карсон были большие карие глаза и длиннющие ресницы, которыми она, казалось, щекотала тех, кто ею любовался. Но вот была ли она очаровательной? Рене не воспринимала дочь в таком ключе. Глядя на девочку, которая кричала по ночам и без умолку вопила с раннего утра до позднего вечера, она недоумевала: неужели этот ребенок — частичка её самой?

И его.

Его. Отца малышки. Кирк Лейн, еще до того, как она разрешилась от бремени, доказал, что его любовь ничего не стоит. А ведь клялся:

— Я буду рядом с тобой, детка.

Лжец!

По мере того, как живот её раздувался, словно попкорн, росла и её неприязнь к Кирку. Зубы у него были какие-то мелкие. Глаза тусклые, почти мутные, как у старой псины, которую последний раз заводят в специальную комнатку без окон в ветеринарной клинике, где хозяева, с плачем, навсегда прощаются со своими питомцами. От Кирка даже запах исходил специфический, от которого Рене во втором триместре стало выворачивать наизнанку.

Дочери она дала имя, считавшееся традиционным в их семье, — Карсон. Самое смешное, как отмечали некоторые, сама Рене по имени её редко называла. Говоря о ней, обычно употребляла «она» или «ребёнок», а пару раз поймала себя на том, что использовала слово «эта».

Мама, однажды услышав это, ужаснулась:

— Рене!

— Что? — как ни в чем не бывало отозвалась она, хотя прекрасно понимала, что маму возмутило её странное отношение к дочери, которое она неизменно демонстрировала с тех пор, как при-

* Гора Бейкер (Mount Baker) — гора на севере штата Вашингтон в Каскадных горах в лесном заповеднике Маунт-Бейкер.

несла Карсон из родильного дома. Пренебрежительное «эта» машинально слетело у неё с языка во время очередного из бесконечных разговоров с мамой, в ходе которого она пыталась выполнить сразу тысячу дел.

Теперь придется расплачиваться за свои грехи.

Рене просматривала в телефоне объявления с предложениями о работе, цепляясь за хрупкую надежду, что смена трудовой деятельности выведет её из состояния паники, которая теперь правила её жизнью. Наконец она оторвала глаза от дисплея и увидела, что мама смотрит на неё, смотрит тем же взглядом, каким соблазнила её завести ребенка.

— Рене, милая, что с тобой? Какая-то ты... даже не знаю... отстраненная.

— Не знаю, мама, — отвечала она. — Не знаю, почему эта вызывает у меня такие чувства.

— Но... *эта*, детка? Ее зовут Карсон. У твоей дочери есть имя.

— Да, есть, — согласилась Рене. — Я понимаю, что она — моя дочь, но, мама... — Её голос сорвался на плач.

Мать Рене подошла к дочери, положила ладонь ей на плечо.

— Родная, ты должна взять себя в руки. Карсон — твоя дочь. Так же, как ты — моя.

Не то она сказала.

После разговора с матерью легче ей не стало. Констатация очевидного не затронула струн её души. Простые истины — не аргумент для женщины, которая пребывает во мраке послеродовой депрессии, в черной дыре, что начинает засасывать её в ту же секунду, стоит ей по пробуждении разомкнуть веки.

Толкая перед собой коляску по вязкой глинистой тропе, Рене жевала нижнюю губу, — чтобы не дай бог не озвучить мысли, мельтешившие в её голове. *Со мной что-то не так. Ребёнок — это навсегда. По крайней мере, до тех пор, пока ей не исполнится восемнадцать.* Или — скорее бы! — пока лекарства, что прописал ей врач, не начнут действовать. Но когда это будет? Таблетки она глотает горстями, как слипшиеся желейные драже, что лежат в вазочке на стеклянном столике дома у мамы.

Лучше бы я завела собаку. Мне нельзя быть матерью. Я даже не чувствую, что Карсон — моя дочь или что она мне нравится. Хуже меня нет матери на всем белом свете.

Рене остановила коляску на краю ущелья и посмотрела вниз, на водопад, обрушивавшийся в глубокое русло реки Нуксак. Выживет ли она? Как поступит?

Что ей *делать*?

Не без труда она убедила себя, что препарат все-таки возымел эффект и её самочувствие улучшилось. Отнюдь не на сто процентов, но новая доза, она надеялась, даст желаемый результат. Карсон заворочалась, и Рене взглянула на кареглазую малышку. Рев водопада, казалось, успокаивал её, подобно гудению пылесоса, когда Рене водила его щёткой возле кроватки в детской, которая пока ещё не была до конца оформлена: на свежевыкрашенные стены предстояло наклеить виниловых кроликов и барсуков. Потом лобик Карсон сморщился, что предвещало очередной «концерт». Рене выхватила из поясной сумки пустышку, нагнулась и сунула её в рот испуганной девочке. Несколько мгновений малышка молчала, а потом раздалось раздражающее характерное чмоканье.

Но это все же лучше, чем очередной раунд пронзительных воплей.

Молодая мать смотрела на водопад и пыталась понять: действительно ли ей становится лучше или эта искра надежды — снова иллюзия. Ответ всевозрастающей тяжестью оседал в затылке. Грозный признак.

Ей вспомнились слова подруг и родных:

— Только став матерью, ты поймешь, что значит любить, и это непреложный факт.

Рене крепче обхватила ручку коляски и принялась робко подталкивать её к краю ущелья, к его разззявленной гранитно-земляной пасти. Ладони увлажнились, на лбу выступила испарина. Сердце бешено колотилось.

Она ещё на несколько дюймов придвинула коляску к обрыву. Будет катить её и катить, пока та не полетит вниз. И она сама вслед за ней.

И всё будет кончено.

Рене собралась с духом, и вдруг взгляд зацепился за белую, как мел, фигуру на дне ущелья.

Обман зрения? Или это чья-то злая шутка?

Что бы это ни было, оно заставило Рене очнуться, удержало на краю пропасти.

Внизу у водопада на мшистом берегу лежало тело. Тело женщины. Обнажённое. Бледное. Мокрое. С согнутыми в коленях широко расставленными ногами. Труп.

Охнув, Рене отпрянула. Выпустила ручку коляски. Сердце теперь гулко стучало в груди. Было трудно дышать. Она снова шагнула к краю обрыва, чтобы лучше рассмотреть свою находку. Огляделась, проверяя, есть ли кто поблизости.

С трех сторон её окружала плотная стена хвойных деревьев. Будто она находилась в зелёной пещере, где в каменную тишину вторгался лишь шум воды, низвергавшейся на дно ущелья.

Здесь она была совершенно одна, если не считать обнажённого, призрачно бледного трупа. Она это ощущала каждой клеточкой своего существа. Именно в такие уголки, как этот, приходят те, кто хочет остаться наедине с самим собой.

Потому и она сюда пришла.

Рене подсоединила шнур от наушников к телефону и набрала три цифры.

— Кажется, я нашла труп, — сообщила она диспетчеру службы «911».

Карсон заплакала.

— Минуточку. Я должна взять на руки ребёнка, — объяснила Рене.

Прерывать разговор с оператором было вовсе не обязательно. Руки её были свободны. Но ей нужно было время. Однако, сказав это, она ощутила потребность прижать к себе малышку. Рене нагнулась, не без труда отстегнула ремни безопасности и бережно вытащила Карсон из коляски. Девочка была теплая и лишь чуть-чуть проявляла беспокойство. Рене немного покачала дочку туда-сюда, как учила её мама. Карсон тотчас же прекратила свою вялую возню. Взгляды матери и дочери встретились, безошибочно сообщая друг другу нечто большее, чем свои желания.

— Алло? Вы у телефона?

— Да, — подтвердила Рене. Она объяснила оператору, где находится, что видит, и пообещала дождаться полиции.

— Я дождусь. Буду здесь.

Прижимая к себе малышку обеими руками, Рене не сводила глаз с безжизненного тела, что лежало внизу, на удалении более ста футов. Внезапно жизнь показалась ей столь хрупкой, столь драгоценной. Конечно, смерть стала бы избавлением от боли, что терзала её со дня рождения дочери. Однако смерть знаменовала конец. Безоговорочный и бесповоротный. Обратного пути нет. И нет возможности передумать.

Та девушка внизу на камнях пришла сюда с той же целью?

Бросаясь с обрыва, она по-прежнему была уверена, что поступает правильно?

Или, как Рене, в последний момент изменила своё решение?

И все равно сорвалась.

Глава 2

Линдси Джекман удавалось дышать. Каким-то образом. Руки стискивали руль, сердце бешено колотилось, разум силился сосредоточиться на поставленной задаче. После утреннего звонка и предостережения лейтенанта она была рассержена, растеряна, убита горем.

— У вас с ним слишком тесные отношения, — подчеркнул Мартин Мэдисон тихим голосом. — Я сам осмотрю место происшествия.

— Я тоже поеду.

— Нет.

— Он же мой напарник.

— У нас труп на водопаде Мейпл. Дежурный введёт тебя в курс дела.

Пока она выезжала со стоянки департамента полиции Ферндейла, диспетчер подтвердил информацию о месте обнаружения трупа. Линдси остро ощущала подле себя пустоту незанятого пассажирского кресла.

Фантом конечности.

Она пыталась сбросить с себя оцепенение, которое обычно охватывает человека при известии о внезапной и необъяснимой утрате. Этим утром жена её напарника, с которым Линдси работала в одной связке почти десять лет, обнаружила труп мужа в их гараже. Он сидел за рулем своего внедорожника в облаке выхлопных газов.

Едва она усвоила эти голые факты, в голове замельтешили одни и те же мысли.

Черт побери, Алан!

Как ты мог так поступить со мной?

С Пэтти? С Полом?

Водопад Мейпл находился на реке Норт-Форк — притоке реки Нуксак, что протекала вдоль автострады Маунт-Бейкер, неподалёку от канадской границы. Направляясь к месту происшествия, Линдси снова стала прокручивать в голове информацию, полученную от диспетчера.

— По словам женщины, она, как ей кажется, увидела труп у подножья водопада. Она напугана. Она не уверена. Возможно, там ничего нет. Вы знаете этот водопад, детектив?

— Там вечно тусуются подростки, — ответила Линдси, завершив разговор просьбой прислать ей кого-нибудь в помощь.

Река Нуксак брала начало на тающем леднике в Каскадных горах. В её верховьях течение было сильное, пенящаяся вода имела цвет почти молочной белизны, но по приближении к заливу Беллингем, в который она впадала, река становилась более спокойной и прозрачной. Одним из самых живописных мест на ней был водопад Мейпл, достигавший в высоту ста футов. Летом и в выходные к нему стекалось много народу — не то, что в будни, особенно после столпотворения в День труда. Это же не Ниагара. Скорее, место паломничества местных жителей, а не приезжих туристов, гоняющихся за завораживающими красотами, хотя пьяные любители селфи из их числа, задавшись целью запечатлеть себя на фоне водопада, бывало, срывались и разбивались насмерть. За последние пять лет три человека погибли, сорвавшись с обрыва. Один подросток из Канады выжил, но теперь до конца своих дней будет делать селфи только в инвалидной коляске.

В общем, место это считалось опасным, но в том, разумеется, и крылся секрет его притягательности. В рекламном проспекте «Откройте для себя Уотком!», выпущенном в том году Управлением города Беллингема и округа Уотком по туризму, водопад даже не упоминался, — чтобы не подвергать людей опасности.

Но к тому времени это умолчание уже не помогало. Проспект «Откройте для себя Уотком!» все равно никто не читал. Информацию о том, чем стоит заняться в округе, люди узнавали в соцсетях.

Как и информацию о том, ради чего стоит умереть.

По дороге от департамента полиции Ферндейла до места происшествия Линдси размышляла о последней нелепой трагедии, думая о том, что подобные инциденты только провоцируют на безрассудство новых смельчаков, желающих попозировать на огромной высоте у края обрыва. Она мчалась вдоль реки. Мимо мелькали деревья, сливавшиеся в сплошную зелёную стену. Без мигалки. Без сирены. Незачем.

Итак, труп. Труп женщины.

Линдси снова взглянула на пустое пассажирское кресло.

— Наверное, кто-то из местных хотел выпендриться перед друзьями, — сказал бы Алан.

— Ты всегда так говоришь, — парировала бы она после продолжительной паузы.

— И всегда оказываюсь прав. Тебе ли не знать, Линдси? Ты же видела меня в деле.

Он засверкал бы в улыбке ослепительно белыми вставными зубами, дожидаясь от неё намеренно неубедительного возражения.

Они имели обыкновение подтрунивать друг над другом, обмениваться колкостями, как это принято у напарников, делающих одно дело, что требует полного контакта.

Алан Шарп в её жизни занимал одновременно место отца и лучшего друга. Его самоубийство, она знала, всегда будет тревожить её, — отчасти потому, что в его поведении она не видела никаких признаков такого поворота событий.

Она не догадывалась, сколь хрупкий он был по натуре и за улыбкой, которая всегда готова была появиться на его губах, скрывал глубокую душевную боль. Алан был предан своей семье и своей работе. Порой, приезжая утром в отделение и залетая в кабинет, Линдси сомневалась, что он вообще с вечера уходил домой. Спрашивать его об этом она давно перестала, так как он неизменно отрицал, что ночевал на работе, — даже когда она обнаружила одеяло и подушку, которые он прятал в шкафу с документацией, что стоял у его письменного стола.

И тем не менее, улыбка никогда не сходила с его лица. Он никогда не выказывал печали. Ничуть.

* * *

Под колесами заскрипел гравий. Линдси на своём служебном внедорожнике въехала на маленькую стоянку и припарковалась возле седана марки «Тойота» — единственного автомобиля, который там находился до её прибытия. Рядом стояла женщина с ребёнком на руках.

— Миссис Джонс? — уточнила Линдси, выбираясь из машины.

— Да, это я, — подтвердила женщина. — Рене.

— Как ваше самочувствие? Такие находки, я знаю, болезненно отражаются на психике. К тому же, вы здесь не одна. — Линдси улыбнулась малышке.

— Я справлюсь, — заверила её Рене. — Но мне надо Карсон отвезти домой. Она должна немного поспать.

— Понимаю. И всё же давайте прогуляемся по тропинке. Вы расскажете мне, что видели. Много времени это не займёт. Я долж-

на зафиксировать, что и как вы нашли. Коронер и криминалисты уже едут.

— Это там. — Рене взглядом показала в сторону водопада. — *Она* там, внизу. Под водопадом.

— Да, но вы всё равно должны мне показать, — настаивала Линдси. — Может, оставим коляску в машине? Незачем тягать её по той вязкой тропе. — Хотя колёса коляски, как заметила Линдси, уже покрывала короста запекшейся грязи. И чем только думала эта женщина?

Она помогла Рене убрать коляску в багажник «тойоты». Та взяла с заднего сиденья рюкзак-переноску для младенцев, посадила в него девочку.

— Много времени это не займёт, — повторила Линдси. Рене водрузила рюкзак с дочкой на спину. — Просто расскажите, что вы слышали и видели. Когда приехали сюда? Зачем? Изложите самые основные факты. Они нужны мне для отчёта.

Рене закрепила на себе рюкзак и повела детектива по глинистой тропинке.

— Я приехала сюда примерно час назад. Мне нравится здесь гулять. Тут так тихо. Никого нет. Не знаю, мне казалось, здесь так спокойно. А мне нужно было передохнуть.

— Сколько ей?

— Карсон полгодика, — ответила Рене. — Скоро исполнится семь месяцев.

— Красавица она у вас.

Линдси заметила, что сдержанная печальная улыбка на губах Рене постепенно угасала по мере того, как они приближались к водопаду. Слышался грохот воды, низвергавшейся на лежавшие внизу валуны со стофутовой высоты. Сквозь кроны клёнов, образовывавших свод над тропинкой, сочился свет, но потом клёны сменили Дугласовы пихты и плачущие силуэты западных тсуг, и их накрыла пещеристая полумгла. У самой пропасти, где находилась главная смотровая площадка, солнечные блики, озарявшие тропинку, и вовсе исчезли.

— Вы здесь были совсем одна? — уточнила Линдси.

— Да.

— Видели кого-нибудь?

— Нет. — Рене поморщилась, поправляя на себе лямку рюкзака, врезавшуюся в её худенькое плечо. — Я вообще такое увидела в первый раз, — добавила она. — Правда. Лучше б не видела.

Линдси кивнула и несильно сжала локоть молодой женщины. А что тут скажешь?

Они подходили к ревущему водопаду. Линдси обратила внимание на колеи, оставленные коляской, и следы от грязных туфель Рене, отпечатавшиеся на мокрой тропинке. Никаких других следов не было. Её напарник, знала Линдси, стал бы сетовать, что прошедший ночью проливной дождь, смыл все возможные улики. Она поймала себя на том, что думает словами Алана Шарпа, даже голос его звучал в голове.

Пикнул её телефон. Она бросила на дисплей раздражённый взгляд.

Пэтти хочет организовать 17-го скромную панихиду.
Чертово самоубийство. Она сама не своя.

Линдси проглотила комок в горле и снова сосредоточилась на обследовании места происшествия.

Рене остановилась в нескольких шагах от края обрыва. Ещё раз смотреть на тело ей было необязательно.

— Там, — показала она. — Справа.

Затаив дыхание, Линдси посмотрела с обрыва вниз. Казалось, водопад похож на длинную туманную ленту, которая, словно стрела, указывала точно туда, где лежала мёртвая женщина.

Обнаженная мёртвая женщина.

Одежды нигде видно не было.

Линдси сомневалась, что жертва покончила с собой, но точно сказать этого не могла, а опираться на догадки на начальном этапе следствия не имело смысла: ни к чему хорошему это не приведёт. Прежде требовалось собрать вещественные доказательства, установить личность погибшей и причину смерти, поэтапно отследить её передвижения и только потом выдвигать предположения. В этом не было равных Алану. Зачастую он выстраивал версии со сверхъестественной проницательностью.

А значит, пока у неё ничего нет.

Глава 3

Департамент полиции Ферндейла прислал двух сотрудников для оцепления места происшествия. Следом за ними через несколько минут притащились два окружных криминалиста — Тим и Тэм. На их плечи ложилась самая важная часть расследования: сбор вещественных доказательств.

Линдси и криминалисты стали спускаться к тому месту, где лежал труп.

— Мама любит гулять по берегу на Ламми*, — сказала Тамара Оливер. — Я всегда мысленно морщусь, представляя, как она находит оторванную ногу или труп, принесённые водой из пролива. Несмотря на занятие, которым я зарабатываю на жизнь, мама, в отличие от меня, не выносит вида крови.

— А это точно твоя мама? — съязвил Тим Артур.

— Да, если верить вещественным доказательствам, — парировала она. — Тебе, Тим, наверно, этого не понять, ведь ты воспитывался в семье медиков. Кровь и кишки были излюбленной темой ваших застольных бесед.

— Семейный бизнес. — Тим обнажил в улыбке полный рот зубов.

Линдси с болью и тоской слушала шутливую перепалку криминалистов. Такие же задиристо-дружеские отношения связывали и их с Аланом.

Тэм, словно прочитав её мысли, выразила сочувствие:

— Линдси, мне очень жаль, что Алан погиб. Соболезную.

Известия о трагедиях среди полицейских распространялись со скоростью света.

— Да, — отозвалась она. — Таких, как он, мало.

Они спустились на дно ущелья, где стелился зыбкий туман, и стали пробираться к трупу, который этим утром обнаружила Рене Джонс.

---

* Ламми — остров в юго-западной части округа Уотком (штат Вашингтон, США).

Стоило только подойти к погибшей на двадцать футов, как в нос им ударил едкий запах разлагающегося тела.

— Сними крупным планом, — попросила Линдси.

Тим защелкал цифровым фотоаппаратом, который издавал такие же звуки, что и старинный однообъективный зеркальный фотоаппарат, — для пущего эффекта, разумеется. Линдси недоумевала. Вот зачем, скажите на милость, новые технологии имитируют аналоговый мир? Это же глупо. Сколько раз она говорила Алану, что его традиционный сигнал телефона — обычный звонок — выдаёт его возраст так же красноречиво, как и широкие брюки с защипами, что он обычно носил.

А он в ответ высмеивал её любовь к энергетическим напиткам и бездумному листанию контента в телефоне.

Погибшей на вид было лет двадцать пять, может, меньше. Скончалась она, на первый взгляд, дня два назад: окоченение уже исчезло. Кожа утратила цвет. Женщина была худой, но не из-за недоедания. Татуировки отсутствовали. На теле никаких характерных примет, не считая ссадин в виде полос на спине. Результат падения? Или, может быть, эти повреждения появились раньше? На все эти вопросы коронер даст ответы в своей лаборатории, которая находилась в Беллингеме, в сорока минутах езды от места происшествия.

— Никаких следов, — констатировал Тим, внимательно осмотрев руки погибшей.

— Да, выглядит вполне здоровой. В хорошей физической форме. Волосы недавно подравнивала. Ни одного секущегося конца.

Один из полицейских сверху крикнул, что он обнаружил окурки и мусор.

— Одежды нет, — доложил он.

— Неужели? — отозвалась Тэм.

— Я имел в виду здесь, наверху, — пояснил полицейский, краснея от смущения.

Линдси убрала с шеи жертвы увлажнившиеся от тумана волосы длиной до плеч. Они увидели синяки, указывавшие на то, что девушку, возможно, задушили. Не исключено, что она была мертва до того, как упала на каменистое дно ущелья.

— Расширьте зону поиска, — крикнула она. — Может, что и найдёте.

Тэм отвела Линдси в сторону.

— В голове не укладывается то, что случилось с Аланом. Мы знаем, что вы с ним были близки. Линдс, если вдруг понадобится помощь, обращайся.

В ответ она просто кивнула.

А что тут скажешь?

* * *

Впервые почти за десять лет Линдси предстояло в одиночку распутывать преступление. Прежде с ней всегда был Алан Шарп, — поначалу в роли наставника, затем напарника, потом близкого друга. И наконец — в качестве псевдоотца. Они были как инь и ян, между ними никогда не случалось сколь-нибудь значимых разногласий. Глядя на труп, Линдси знала, что Алан сейчас озвучивал бы десятки версий о том, что могло произойти с Джейн Доу*. Те же самые, что мысленно перебирала она сама. Но Линдси слушала бы его, не перебивая, потому как ему нравилось размышлять вслух. Он вовсе не строил из себя умника. Нет. Просто это была его манера. Своеобразный метод обследования места происшествия.

Криминалисты закончили свою работу, и белый фургон коронера, без опознавательных знаков полиции, повез тело в окружной морг.

Линдси последней покинула место происшествия. Она обвела взглядом стоянку, посмотрела на тропу, что вела к водопаду. Она не бывала здесь много лет. Отдалённый гул падающей воды — естественный белый шум — подчеркивал безмятежность окружавшего её безмолвия. Линдси сомневалась, чтобы какая-то женщина сама, раздевшись догола, отправилась по этой тропинке к водопаду и бросилась с обрыва вниз. Никакой одежды поблизости не нашли. И брошенной машины тоже.

Значит, кто-то принёс её туда, бесчувственную или уже мёртвую. И сбросил, словно мусор, на лежавшие внизу мшистые камни.

---

* Джейн Доу (Jane Doe) — неопознанное тело в терминологии правоохранительных органов США.

Глава 4

17 сентября 2019 г., вторник
Деминг, штат Вашингтон

Каменная часовня в Деминге, построенная в 1933 году, недавно была отреставрирована группой горожан, убеждённых в том, что, если старое здание не отремонтировать, оно станет пристанищем наркоманов и подростков-бездельников, которые, за неимением более достойных занятий, будут краскораспылителем рисовать на его стенах всякую дрянь. Вандалы мгновенно бы учуяли дух упадка и разрушили часовню. Никто бы и опомниться не успел.

В тот день после обеда стоянка у церкви и обочины дороги, ведущей к ней, были заставлены полицейскими автомобилями со всего штата Вашингтон. Алан погиб не при исполнении служебного долга, но в академии, расположенной к югу от Сиэтла, на протяжении многих лет он вёл годичный курс по использованию всех возможных ресурсов для борьбы с наркоэпидемией, косившей маленькие городки и сельские поселения. Его внезапная смерть собрала вместе огромное количество молодых людей, которые когда-либо учились у него.

Линдси и её бывший муж Джек сидели во втором ряду, сразу же за женой Алана Пэтти и их сыном Полом. Лейтенант Мэдисон и его многострадальная супруга Пег занимали места в конце того же ряда, довольно близко от них, так что до Линдси доносился табачный дым каждый раз, когда лейтенант затягивался сигаретой.

Впереди на подставке стоял портрет Алана, сделанный для газеты в ту пору, когда ему вручили награду за работу с молодёжью. Увеличенное чёрно-белое фото, выставленное перед теми, кто пришёл почтить память Алана, в полной мере передавало сущность его натуры. Серебристая седина в волосах. Кремнистый блеск в глазах. И улыбка. Улыбка, отбивающая всякую охоту улыбнуться в ответ. Руки сложены на груди — традиционная поза героя. Мужчины в такой позе на рекламных щитах о продаже домов выглядели глупо и нелепо, а вот Алан производил солидное впечатление.

Пол Шарп приобнял за плечи мать, вжавшуюся в церковную скамью со спинкой.

Линдси достала салфетку, внимая пастору. Высокий мужчина в очках с овальными линзами в тонкой металлической оправе, он говорил о загадочности депрессивного состояния и скрытой боли, о том, что любовь, окружавшая Алана, всё равно не сумела бы его спасти.

— Бывают трагедии, причины которых очевидны, — рассуждал пастор. — Например, страшная автокатастрофа. Так вышло, говорим мы. Несчастный случай. Это большое горе, но в подобных ситуациях редко задаются вопросом «Почему?».

Пол при каждом слове, произнесённом пастором, ободряюще стискивал мать за плечи.

* * *

Алан Шарп не был религиозным человеком, — в отличие от жены. Пэтти была воспитана в лютеранской вере, но много лет назад примкнула к евангелической общине, в надежде, что муж будет вместе с ней посещать церковные службы. И он посещал, но лишь от случая к случаю. Для панихиды по мужу Пэтти выбрала часовню в другом городке, отчасти из нежелания встречаться со знакомыми, которые наверняка стали бы задавать ей вопросы, не имевшие простых ответов. Но ещё и потому, что эта старая каменная церковь нравилась Алану.

Год назад они были здесь на свадьбе.

— Здесь хорошо, — отметил он тогда. — В старинной церкви, пропитанной духом истории, куда сильнее ощущается атмосфера подлинной религиозности, нежели в том современном храме-клубе, который мы посещаем.

Пэтти в ответ только улыбнулась.

Сейчас, сидя на церковной скамье рядом с взрослым сыном, слушая речь пастора, который говорил о незнакомом ему человеке так, будто они с ним были близкие друзья, она, как ей казалось, подобно Линдси Джекман, предавалась воспоминаниям — мысленно прослеживала череду событий того утра, когда умер её муж.

Словно смотрела фильм, от которого невозможно оторваться.

* * *

9 сентября 2019 г., понедельник
Ферндейл, штат Вашингтон

Лежа в постели, Пэтти протянула в сторону руку и не нащупала подле себя мужа. *Странно*. С тех пор, как они с Аланом поже-

нились, за редким исключением она всегда вставала первой. Пэтти спустила ноги на пол, надела халат нелепого розового цвета, что Пол подарил ей в прошлом году на Рождество, и зашлёпала на кухню, думая, что Алан там, читает газету за чашечкой кофе.

Было самое начало шестого утра.

— Алан? — окликнула она мужа.

Ответа не последовало.

Она вставила капсулу в кофе-машину, захлопнула крышку. Пока вода нагревалась до кипения, заваривая кофе, Пэтти пыталась вспомнить, была ли у Алана на этот день намечена ранняя встреча. Точно. Он собирался выпить кофе с Линдси. Но ведь сейчас ещё очень рано. Никто не назначает встречу на столь ранний час. Накануне спать он лёг поздно. Она спросила, всё ли у него хорошо, и он, прижавшись к ней, сказал, что лучше не бывает.

— Просто не спалось.

— Да ты холодный, как лёд, — заметила она.

— Прости. Прости и за это тоже.

Только теперь она задумалась о тех его словах.

Тоже.

За что ещё он извинялся? Что значит «тоже»?

Из чашки с кофе поднимался пар. Пэтти отпила маленький глоток. *Слишком горячий.* Она обвела взглядом кухню, и заметила, что в раковине посуды нет. Выходит, Алан не заваривал себе кофе. Обычно он споласкивал чашку и оставлял её в раковине, чтобы жена потом поместила в посудомойку. У них это был своеобразный ритуал. Она не могла понять, что её мужу мешает сделать лишний шаг и самому убрать чашку в посудомоечную машину. *Может, и убрал.* Пэтти проверила посудомойку. Нет, ничего.

Алан по утрам шагу не мог ступить, прежде не подзаправившись солидной дозой кофеина.

Дом у них был не очень большой. По пути на кухню она прошла мимо его пустого кабинета. Пэтти постояла в гостиной. Из гаража доносился шум.

Рокот включенного двигателя.

О, подумала она, *так он как раз уезжает.*

* * *

Она распахнула дверь в гараж, и в лицо ей ударили клубы вонючего дыма. Чашка выпала у неё из рук, горячий кофе обжог ногу. Она вскрикнула. *Только не это!* Должно быть, у Алана случился

сердечный приступ или ещё что-то. Отворачиваясь от дыма, она наощупь стала искать кнопку, чтобы открыть ворота гаража. Нашла. Ворота начали подниматься, выхлопные газы выветривались из помещения. Когда дым рассеялся, Пэтти поняла, что это никакой не несчастный случай.

От выхлопной трубы в окно со стороны пассажирского сиденья тянулся тёмно-зёленый садовый шланг, плотно зажатый стеклом.

Снова вскрикнув, она кинулась к дверце со стороны водителя. Через стекло разглядела Алана, уронившего голову на руль.

— Господи, только не это. Алан, что ты наделал? — запричитала она.

Пэтти принялась судорожно дёргать ручку дверцы, пытаясь её открыть. Та была заперта. Она пошла вокруг машины, пробуя открыть другие дверцы. Голова кружилась. Пэтти откашливалась, силясь изгнать из лёгких угарный газ. Она бросилась назад в дом, с полки у холодильника схватила телефон и запасные ключи от машины.

Кашляя в трубку, назвала свое имя. Служба «911» записала свой разговор с ней.

Пэтти: Это Пэтти Шарп. Помогите. Думаю, мой муж сильно травмирован или, может быть, умер. Господи, скорее, прошу вас. Мой адрес: Семьяму-Вей, 589. Его зовут Алан Шарп. Он служит в департаменте полиции Ферндейла, детектив. Скорее!

911: Пэтти, успокойтесь. «Скорая» уже едет. Будет через четыре минуты. Расскажите, что случилось.

Пэтти: Я обнаружила его в гараже. Мотор включен. Шланг... [Кашель, всхлипы, пиканье автомобильного брелока]. Господи, Алан, нет...

911: Пэтти? Пэтти?

[Приглушенный шум].

Пэтти: [Кашляя]. Да, я вас слышу.

911: Пэтти, покиньте гараж. Немедленно. Иначе отравитесь угарным газом. Вы это понимаете?

Пэтти: Да. Только это я и понимаю. О боже, Алан. Почему это случилось? Почему?

[Приближающийся вой сирены машины «скорой помощи»].

911: Пэтти, «скорая» уже на месте. Не кладите трубку, пока не увидите медиков. Надеюсь, ваш муж поправится. Держитесь, Пэтти.

Пэтти: Спасибо.

* * *

17 сентября 2019 г., вторник

Пэтти Шарп сидела на церковной скамье и, предаваясь воспоминаниям, одновременно думала, что ей следует рассказать о том утре. Не навредит ли это? Не вызовет ли вопросы, на которые она не хочет отвечать?

В общем, все как в кино.

Глава 5

17 сентября 2019 г., вторник
Ферндейл, штат Вашингтон

Во дворе дома Шарпов поставили столы, застеленные бледно-розовыми скатертями. Вовсе не потому, что это был любимый цвет Алана. Бледно-розовые скатерти были куплены для вечеринки, которую Пэтти организовывала для одной беременной женщины из их религиозной общины по случаю скорого рождения её ребенка, и часть из них не была использована.

По окончании панихиды все, кто присутствовал на церемонии, отправились на поминки в дом Шарпов. Пэтти и Пол, стоя у входа, встречали прибывающих словами благодарности.

Говорил один Пол. Его мать стояла рядом, обхватив себя руками. Её била дрожь.

— Мы с мамой искренне вам признательны, — повторял он срывающимся голосом. — Не забывайте говорить близким, что вы их любите. Как знать, может, другого шанса и не представится.

Дом превратился в движущуюся массу воспоминаний и соболезнований, которая ширилась и сжималась каждый раз, как открывались двери. Гости делились на две категории. Одни выстроились в очередь, чтобы выразить сочувствие вдове и сыну. Молчаливые, неподвижные, они стояли, силясь подобрать добрые слова, которые смягчили бы боль утраты. Другие толпились вокруг классического современного обеденного стола, уставленного блюдами с нарезкой комнатной температуры и горшочками с застывшей запеканкой из овощей и мяса — скорбной пищей для поминовения усопшего.

* * *

Позже Линдси нашла Пэтти в кухне. Та облила чем-то своё голубое платье и теперь пыталась стереть пятно. Пэтти была крепко сбитая женщина около пяти футов ростом; её отличал консервативный подход к жизни. Занимаясь стряпней, она обязательно надевала фартук, и по привычке вырезала из журналов скидочные

купоны. Делала она это вовсе не из экономии, а неосознанно: срабатывала мышечная память о детстве, проведённом в бедности. Алан каждую неделю приносил на работу лишние купоны.

— Помочь? — спросила Линдси.

Жена Алана наконец-то взглянула на неё. Глаза у Пэтти были опухшие, макияж, что она утром аккуратно нанесла на лицо, перекочевал на салфетку.

— Мне никто не в силах помочь, Линдси.

— Ты всегда можешь на меня положиться.

— Да, наверное. — Тон у Пэтти был невыразительный, пожалуй, даже немного пренебрежительный.

Слова Пэтти уязвили Линдси. Привели в смятение. Неужели Пэтти хотела её обидеть?

— Что происходит? — спросила Линдси, ближе подходя к ней.

Пэтти отступила на шаг. Положив губку, которой оттирала пятно, сказала:

— Послушай, я вовсе не злюсь на тебя.

Именно что злишься, заключила Линдси.

— Тогда в чём дело? Я ведь хочу помочь.

— Алана больше нет. Он покончил с собой. И я понятия не имею, что толкнуло его на этот шаг. Да, меня переполняет гнев. И, если честно, Линдси, я завидую тебе, ведь ты, скорей всего, знала его лучше, чем я.

— Я не знаю, почему он на это решился, — отвечала Линдси. — Ничто не предвещало этой трагедии. Алан был счастлив. Он любил тебя и Пола. Я тоже в полнейшем недоумении.

— Ты проводила с ним больше времени, нежели я.

— Он любил тебя, Пэтти. Что ещё случилось?

Пэтти посмотрела на испачканное платье.

— Вот, не могу вывести это чёртово пятно. Алану нравилось это платье, потому я сегодня и надела его. А теперь оно испорчено.

Пэтти не шла на откровенность.

— Налить содовой? — предложила Линдси.

— Нет, лучше «7Up».

Женщины улыбнулись, качая головами.

Линдси обняла Пэтти. От жены Алана, теперь его вдовы, пахло духами с неярко выраженным древесным ароматом. Шею её обвивала двойная нитка коралловых бус — сувенир с Гавайев, куда они с мужем ездили на годовщину своей свадьбы. Серебряная застежка

сдвинулась чуть вперед. В любой другой день Линдси не преминула бы указать ей на это.

Но не сегодня.

Вместо этого она сказала:

— Вот, честно, не знаю, как я буду обходиться без него.

— Он относился к тебе, как к дочери, — произнесла Пэтти.

— Спасибо. Я искренне тебе сочувствую.

* * *

Пэтти успокоилась и села во дворе, ковыряясь в тарелке. Время от времени кто-нибудь из гостей представлялся ей. Она благодарила их за то, что пришли на поминки. Пэтти больше не плакала. Понимала, что должна каким-то образом принять тот кошмар, в который со смертью Алана превратилось её существование.

Конечно, их совместную жизнь, бывало, омрачали тревога или депрессия, но так сразу и не вспомнишь эти моменты. Окружающим Алан представлялся озорным бесшабашным человеком, несмотря на невесёлый характер его работы в качестве детектива. А он был одержим своей работой. Порой она видела, как муж сидел в своём кабинете, просматривал следственные материалы, потягивая виски из бокала, который он время от времени наполнял. Изучая какое-нибудь дело, что-то бормотал себе под нос, иногда заплетающимся языком. Она знала, что в это время лучше к нему не подходить, не заглядывать в документы, что лежали перед ним. Один раз она допустила такую ошибку и потом уже не могла стереть из памяти образ маленького мальчика с каштановыми волосами, обезображенного сигаретами матери, которая выжгла на его теле рисунок в виде Малой Медведицы. Она охнула в ужасе, Алан резко развернулся к ней лицом в своём вращающемся кресле.

— Дорогая, — сказал он, — не надо подходить близко. Не надо тебе это видеть.

— Да, ты прав, Алан, — согласилась Пэтти, отступая к двери. — Не надо. Скажи, что с этим мальчиком? — Она была не в силах оторвать взгляд от бедра ребёнка. Ожоги ему нанесли в таком месте, где их никто не мог видеть.

Изощренная пытка, о которой посторонние не должны знать.

— Его отдали на воспитание в другую семью, — ответил Алан, убирая материалы дела с глаз жены. — С ним всё будет хорошо.

Со своего места у выхода Пэтти увидела пометку на папке: дату и одно единственное слово, написанное в верхней части фото.

Убийство.

* * *

На долю Линдси тоже выпало горе. Вскоре после того, как она поступила на службу в департамент полиции Ферндейла, её мать умерла от рака груди. Смерть мамы перевернула всю её жизнь, но она хотя бы знала, что это несчастье произойдет. У них с мамой бывали и радостные моменты, когда они размышляли о будущем и смеялись над событиями прошлого. Пэтти и её сын были лишены такой возможности.

Ещё вчера Алан был жив, а сегодня его уже нет.

Линдси нашла Пола. Тот стоял в углу с маленькой тарелкой в руках. К еде, что была на ней, он почти не притронулся, как и Линдси — к своей.

— Папа даже не догадывался, что его любят так много людей, — произнес Пол.

Линдси взяла туго свёрнутый рулетик из салями и проволоне, чем-то напоминавший сигарету. Ей хотелось закурить. Пока делаешь затяжку, можно подумать, что сказать, если с ходу не находится нужных слов.

— Хороший он был человек, — отозвалась она. Банальнее фразы не придумаешь. Но это всё, что пришло ей на ум.

Полу было двадцать лет. Широкоплечий парень с резко очерченным подбородком, словно вырубленным из камня. Глаза тёмные, как у отца. Он и красив был, как отец, только по-другому. За последние лет десять, отметила Линдси, мужчины взяли моду выставлять напоказ свою мужественность. Бритые. Мускулистые. Дерзкие.

Пол был славный парень.

Чуткий.

— Такого напарника, как твой отец, у меня никогда не будет. Мне всегда его будет не хватать.

— Да, — кивнул Пол. — Он был замечательный человек. Доброе сердце.

Линдси проглотила последний кусочек своей колбасно-сырной сигареты.

— Просто в голове не укладывается, — сказала она, глядя на стол с фотографией его отца, жетоном и наградами Алана.

— Да. У меня тоже.

Какая-то женщина подошла к Полу, чтобы выразить свои соболезнования, и Линдси поспешила прочь.

Я помогла бы тебе, Алан.

Глава 6

В тот вечер, когда Линдси закрыла за собой дверь своего дома на Олдер-Вей, её встретило ощущение пустоты. Тишина царила в маленьком коттедже, который достался ей после развода. В тридцать пять лет она не имела ни мужа, ни детей. Не сказать, что она была повенчана со своей работой, но, в действительности, она жила и дышала только тем, что извещало о преступлениях — телевидение, книги, подкасты, — и затруднилась бы назвать, какое у нее хобби и, тем более, страстное увлечение.

Линдси положила программку панихиды на кухонный стол и достала из холодильника ледяное пиво. Она воспитывалась в большой семье, где было принято умерших поминать спиртным. На поминках в доме Алана ей хотелось выпить.

Линдси села за кухонный стол, старый стол в стиле пятидесятых годов. Чтобы он не шатался, под одну ножку она подложила сложенную салфетку. Линдси стала просматривать сообщения в телефоне.

После панихиды Джек не поехал с ней на поминки, но прислал несколько сообщений.

Алан был отличный парень.

Мне он всегда нравился.

Мне жаль, что на тебя это всё свалилось.

И ещё: детка, я скучаю по тебе.

Линдси глотнула пива. С Джеком она рассталась более года назад. Он работал на целлюлозно-бумажном комбинате в Беллингеме, где занимал должность руководителя среднего звена. Оригинальностью он её не удивил. Это было столь очевидно, что вспоминать стыдно. Началось всё с того, что человек, которого она любила — с которым состояла в браке шесть лет, — по достижении

сорока лет вдруг превратился в классический образец мужчины, переживающего кризис среднего возраста. Он зачастил в тренажерный зал. Потом у него появилась новая одежда по рекомендации какого-то стилиста из Интернета. Потом ни с того ни с сего он стал душиться одеколоном.

Кто этот человек?

По этому поводу Линдси недоумевала дольше, чем следовало, пока наконец-то не возник резонный вопрос.

Кто та другая женщина?

Как оказалось, тоже классический вариант. Двадцать пять лет, стройная, красивая, обожает его. К тому же, его секретарша. Линдси старалась давить в себе ненависть к ней. В конце концов, изменяла не *она*, а муж. Одному богу известно, что он говорил об их браке своей новой возлюбленной, когда проводил с ней время в мотеле «Шангри-Ла» на Сэмиш-Вей.

Господи, какой позор!

— Джек, ну ты даешь! «Шангри-Ла»? Ты что — жалкий студентишка, у которого нет кредитной карты?

— Линдси, не будь такой злой.

— А ты не будь дураком, Джек.

— Прости, Линдси, — сказал он, когда она спросила его в лоб. — Мне очень жаль. Честно. Я не хотел, чтобы так получилось. Само собой вышло.

Линдси не плакала. Её разъедал гнев. И стыд: об измене мужа она узнала последней. Она даже голос не повысила.

— Само собой ничего не случается, Джек, — наконец сказала она ему. — Всё происходит по воле *людей*. *Ты* допустил, чтобы это произошло. А причину я даже знать не хочу. Мне это неважно. Всё это затеял ты сам.

— Тебя почти никогда нет дома, — заявил он. — Мне было одиноко.

— Джек, ты это серьезно? Ничего другого я и не ожидала услышать. Это меня не бывает дома? Я не разъезжаю по конференциям. Хотя теперь мне понятно, что тебя манило в командировки. Да, я много работаю, делаю нужное дело, но при этом не торчу на работе столько, сколько ты. Поправка: я думала, что ты там работаешь.

— Вообще-то я работал, — возразил Джек.

— Я не собираюсь с тобой спорить. Ты думаешь, что полюбил другую женщину. Прекрасно. Значит, нашему браку конец. Я даже не буду пытаться его спасти. Не могу. Измена есть измена.

— Я боялся, что твоя реакция будет куда хуже, — произнес он.

Линдси хотела сказать мужу, что она всё ещё его любит, что она потрясена и готова отдать что угодно, лишь бы этого разговора никогда не было. Не сказала. Она нарастила на себе защитный панцирь, под которым обычно прятала свою ранимость. А ему открыла душу. И это было больнее всего. Он же знал, какая она. И всё равно обидел.

— Той девице, с которой ты закрутил роман, на тебя плевать, — заметила Линдси.

— Ее зовут Уиллоу. — Джек встал, собираясь уйти. *Уиллоу*. Ну и имечко! — Мне жаль. Я никогда не ставил перед собой цель причинить тебе боль, Линдси. Мы с Уиллоу любим друг друга. Хотим жить вместе. Может быть, на Бали или ещё где-нибудь.

На Бали? Кто этот незнакомец?

Линдси метнулась к выходу, повернула ручку двери и распахнула её.

— Уходи, — отчеканила она, не глядя на мужа.

И он ушел. По крайней мере, так обстояли дела до тех пор, пока Уиллоу не решила, что она больше не любит Джека и не хочет жить на Бали. Это случилось две недели назад. Она написала Джеку прощальную эсэмэску и исчезла. Джек, по словам их общих друзей, был ошеломлён. Такого исхода он не предвидел. Уиллоу была девушка его мечты, его фантазия, внезапно воплотившаяся в реальный образ. Идеальная эскортница, смотрит в рот своему патрону. Безукоризненно ухоженная, с гладкой белой кожей, она говорила Джеку, что он — великолепный любовник, лучше у неё никогда не было.

Что, кроме него, ей никто не нужен.

А потом нашла нового.

Любовный роман Джека имел столь же предсказуемо неизбежный невразумительный конец, как и вся траектория его кризисного периода. Линдси Джек сказал, что чувствует себя идиотом, и у неё возник вопрос: знает ли он, что все друзья и знакомые тоже считают его дураком? Он снял квартиру в центре города, прямо над итальянским рестораном, и теперь каждое утро, когда являлся на работу, от него пахло оливковым маслом и чесноком. Уиллоу, к её чести, не была интриганкой. Она не докладывала всем и каждому об их отношениях, подчёркивая, что это идет вразрез с правилами компании.

А могла бы.

Джек был ей настолько безразличен, что она сразу про него забыла. Правда, Уиллоу перешла на другую должность — секретаря-референта директора комбината. Все сотрудники считали это серьёзным повышением. Кроме того, директор был холост.

Вечером после панихиды и поминок, сидя в темной кухне с очередной банкой пива в руке, Линдси и не думала предаваться сожалению. Алан был для неё той жилеткой, в которую она выплакивала свою боль. И он сказал ей: если хочешь простить мужа, прости.

— Какое бы решение ты ни приняла, — добавил он, — пойми одно: как раньше уже не будет. До конца жизни ты будешь задаваться вопросом, правильно ли ты поступила. И не сумеешь прятать свои чувства. Они всю душу тебе изъедят. Поверь мне.

В ту пору она не сомневалась в правоте его слов. Теперь, когда вспоминала тот его совет, что-то не давало ей покоя. *Поверь мне*. Что Алан имел в виду? Что у них с Пэтти были проблемы? Или он намекал на что-то другое?

* * *

Линдси спала на той же половине кровати, что и всегда, хотя в свое время упрекала Джека за то, что он занял сторону у окна. Летом ветерок обдувает. Зимой луна светит. Она легла в постель, чувствуя себя одинокой, как никогда. Более одинокой, чем в ту пору, когда умерла её мать. Закрыв глаза, Линдси прокручивала в уме события дня. Потом вспомнила тот день, когда Пэтти обнаружила Алана мертвым в гараже. Потом копнула ещё глубже: за неделю до гибели в кафе «Голландец» Алан был сам не свой. На её вопрос он ответил: ничего особенного.

— Так, пустяки.

Она воздержалась от выпытывания подробностей, пока они стояли в очереди за кофе. Хотела, чтобы он сам нарушил молчание и объяснил. Но Алан сменил тему.

— Линдси, возьмешь мне кофе, ладно? — Он вручил ей десять долларов.

— Не надо, — отказалась она, возвращая ему деньги. — То есть, да, возьму, конечно. Моя очередь платить.

— Спасибо, — поблагодарил он, направляясь к выходу.

Двигаясь в очереди, Линдси в окно заметила Алана на улице. Он стоял на тротуаре у своей машины и говорил с кем-то по телефону. В следующую секунду она отвернулась. Ей казалось, она уви-

дела то, что не предназначалось для её глаз. Выражение лица у него было необычное.

Он был возбужден или взволнован?

Трудно сказать.

Лежа в постели с закрытыми глазами, Линдси анализировала тот случай. Может, это как раз и был тот «звоночек», который она проигнорировала. Теперь она жалела, что не спросила Алана, с кем он тогда говорил по телефону. Он был очень скрытен относительно своих «пустяков», и ей не хотелось отталкивать его. Она его уважала. *Восхищалась* им. Линдси понимала: желание помочь может быть воспринято как назойливость и любопытство. Она повернулась на бок и упёрлась взглядом в подушку — в ту самую, на которой спал её бывший муж. Она поменяла положение и укрылась одеялом.

Когда она поинтересовалась у Алана, что случилось, он извинился за свою необычную замкнутость.

— Да так, думаю о том, о сём, — объяснил Алан.

Теперь она понимала, что те его слова знаменовали конец, как засевшие в памяти последние строчки прочитанной книги.

Если бы она проявила настойчивость, может, удалось бы его спасти?

Линдси знала, что это бессмысленная игра разума, которую она вела сама с собой. Ответов про Алана, она, должно быть, никогда не узнает.

А вот о гибели девушки, обнаруженной у водопада, должна узнать всё.

Глава 7

11 сентября 2019 г., среда
Ферндейл, штат Вашингтон

Стол напротив Линдси по другую сторону прохода служил постоянным напоминанием.

Наставника, который был ей надежной опорой, больше нет.

Убийство девушки, обнаруженной у водопада Мейпл, ей предстоит расследовать в одиночку.

Линдси посмотрела на часы и приступила к работе. Во второй половине дня в офисе коронера округа Уотком, в залитой флуоресцентным светом прозекторской с облицованными плиткой стенами, будет произведено вскрытие погибшей. Изучив сводки происшествий, она составила список пропавших женщин в возрасте от пятнадцати до сорока лет. Некоторые весьма отдаленно подходили под описание жертвы, но несколько точно ему соответствовали. Линдси проверила район вокруг места обнаружения трупа девушки, уточнила, откуда поступили звонки о пропавших женщинах. Как минимум, шесть из них соответствовали данному случаю, но на самом деле это ничего не значило. Некоторые убийцы, начитавшись в Интернете статей о работе полиции и насмотревшись криминальных телесериалов, научились заметать следы и действовали грамотно и аккуратно.

По мнению Линдси, существовало три главных правила, которых придерживался опытный убийца: держи рот на замке; не оставляй на теле жертвы собственный биологический материал — жидкости, ткани, скрытые отпечатки; и, наконец, никогда не бросай труп рядом с собственным домом.

Каждый из этих принципов имел важное значение, и вкупе они давали тройную гарантию безнаказанности, провоцируя на новое убийство.

К ней в кабинет заглянул лейтенант Мэдисон.

— Есть новости по жертве с водопада Мейпл?

Линдси сообщила лейтенанту, что вскрытие Джейн Доу назначено на вторую половину дня и она будет докладывать ему обо всех предварительных результатах.

— Я нашла несколько возможных кандидатур. — Линдси показала на список пропавших женщин на мониторе своего компьютера. — Через несколько часов у нас будет более точная информация. Я также проверяю сведения о насильниках: кто недавно освободился и так далее. Мы поймем, где копать, как только выясним, откуда она.

— И где её убили, — добавил лейтенант Мэдисон.

— Это тоже.

Лейтенант посмотрел в сторону стола Алана.

— Надо его личные вещи собрать. Пэтти наверняка захочет их взять. — Его взгляд заскользил по коллекции фигурок бейсболистов «Маринерс»* с большими головами, которую собирал Алан, по благодарностям в чёрных рамках за отличную службу в полиции, среди которых была наградная фотография за работу со школьниками. Рядом с телефонным аппаратом стояла семейная фотография Шарпов — Алан, Пэтти и Пол.

— Я соберу, — вызвалась Линдси.

— Соберёшь?

— Соберу. Лучше я сама.

После ухода лейтенанта Мэдисона Линдси распечатала список фамилий пропавших женщин и, отложив его в сторону, стала искать коробку для вещей Алана. Не найдя таковой, она решила приспособить для этого мусорную корзину бронзового цвета, что стояла у стола Алана. Конечно, не самая достойная ёмкость для его вещей, но Алан, наверняка, посмеялся бы на сей счет. На самый низ она в два яруса плашмя уложила бейсболистов. Последним — Итиро Судзуки, любимого игрока Алана.

— Мне нравится этот парень, — как-то сказал Алан, — но, чёрт возьми, он уже десять лет живет здесь, мог бы за это время выучить пару слов по-английски. С его-то деньгами он мог бы нанять десять репетиторов по языку.

— Может, он *не хочет* учить английский, — заметила Линдси.

— Не надо мне заливать про политкорректность, — отмел её возражения Алан. — Он должен учить английский. Тут даже спорить нечего.

---

* Seattle Mariners («Сиэтлские моряки») — профессиональная бейсбольная команда из Сиэтла (штат Вашингтон, США).

Линдси выдвинула верхний ящик рабочего стола Алана и перебрала его содержимое: чеки, коллекция бумажных подставок под бокалы пива, всякая всячина. В небольшом конверте лежали две флэшки. Пэтти, она знала, не выносила ужасов, коими зачастую сопровождалась их работа, поэтому Линдси отложила флэшки в сторону: сдаст в архив, где их просмотрят и затем либо уничтожат, либо внесут в базу данных. Алан был умный, чудесный человек, но очень уж неаккуратный.

На самый верх в корзине Линдси поместила благодарственные письма и семейную фотографию Шарпов. Снимок был сделан на гавайском пляже, когда Пол ещё был долговязым подростком. Низко стелющиеся лучи уходящего на запад солнца омывали их золотисто-персиковым светом. Алан с восторгом рассказывал о той поездке, говорил, что они с Пэтти мечтают побывать там ещё раз.

— Может, на следующую годовщину нашей свадьбы.

* * *

Снова хлестал дождь. «Дворники» с трудом справлялись с потоками воды, заливавшими лобовое стекло внедорожника Линдси. Она ехала по автостраде из Ферндейла в Беллингем. Процедура вскрытия трупов никогда не вызывала у неё отвращения. Возможно, это было профессиональное качество, либо она от рождения была невосприимчива к мерзостям, при виде которых другие бежали в туалет. Точного ответа Линдси и сама не знала.

Она включила радио, прослушала новости. Про водопад Мейпл в них не упоминалось. Неудивительно: радиостанция и газеты донельзя сократили свои штаты. Соответственно любая мало-мальски интересная история сначала попадала в соцсети, где о ней писали полуправду и тут же переключались на другую сенсацию, чтобы «заработать» кучу «лайков», привлечь как можно больше подписчиков. Любые сведения о происшествиях распространялись стремительно, словно вирус.

Она миновала дом в центре города, где теперь жил её бывший муж, и въехала на парковку рядом с офисом окружного коронера. Едва она вылезла из машины, к ней подвалил бездомный.

— Я перечисляю деньги непосредственно в фонд продовольствия для бедных или в приюты, — сказала Линдси, взмахом руки отсылая его прочь. — Окажите себе услугу: обратитесь туда. Незачем жить на улице.

Он показал ей неприличный жест и исчез в подворотне.

Линдси вошла в здание, позвонила в домофон и сообщила о своём прибытии.

— Дарлин меня ждет, — добавила она.

— Хорошо, входите, — ответила вахтерша, и дверь со щелчком открылась.

В кабинете её ждала, должно быть, самая красивая женщина во всем округе Уотком — в медицинской униформе, с волосами, собранными в пучок на затылке. Красивая и очень умная.

Дарлин Ватанабе подняла глаза от чашки кофе и глянула на свои наручные часы «Картье». Вдобавок ко всем своим достоинствам она была ещё и богата, поскольку происходила из семьи, которая нажила большое состояние, успешно ведя бизнес в разных отраслях экономики — от сельского хозяйства до сферы современных технологий.

— Точно вовремя, детектив. Что ж, давайте посмотрим, что поведает нам Джейн Доу. Она уже на столе, попробуем узнать, как она оказалась на дне ущелья. И кто она такая. Во всяком случае, я на это надеюсь. Но прежде примите мои соболезнования. Мне очень жаль, что так вышло с Аланом.

* * *

Надев бледно-голубой халат, Линдси стояла у секционного стола и наблюдала, как патологоанатом обследует тело мёртвой девушки. Она взяла за правило присутствовать при вскрытии погибших жертв, смерть которых она расследовала. Но не потому, что ей это нравилось. Отнюдь. Линдси считала, что несчастные заслуживают уважения и их не должны рассматривать только как источник улик совершенного преступления, хотя в конечном итоге всякий, кто попадал на секционный стол в прозекторской доктора Ватанабе, определённо относился именно к этой категории. А ведь незадолго до этого тело на столе из нержавейки было для кого-то ребёнком, мужем, женой, братом или сестрой... в общем, выступало во множестве ипостасей, что отведены живым.

Доктор Ватанабе, как того требовал протокол, методично документировала всё, что видела, время от времени перемежая свои наблюдения замечаниями, не относящимися к делу.

— Крайняя степень разложения. Смерть наступила несколько дней назад.

— Возраст: восемнадцать — двадцать два.

— На здоровье не жаловалась.

— Еще не была в новом тайском ресторане на Рейлроуд?

— Зубы идеальные. Наверняка наблюдалась у ортодонта. Не уличная девица.

— На запястьях синяки. Когда появились, определить трудно.

— Признаков изнасилования нет. Но, учитывая степень разложения, соскоб обязательно возьму.

— Очень рекомендую. Лучшее сатэ во всем штате.

Слушая патологоанатома, Линдси составляла портрет погибшей девушки. Та вряд ли относилась к какой-либо группе риска и была замешана в чем-то противозаконном. В последние годы в Беллингеме наблюдался наплыв приезжих бездомных, среди которых были распространены наркозависимость, алкоголизм и психические заболевания.

— Признаки употребления наркотиков? — спросила Линдси.

— Внешне не обнаружила. Дождемся токсикологической экспертизы. — Доктор Ватанабе, помедлив несколько секунд, направила луч на шею девушки, которую обвивала цепочка синяков в форме следов от пальцев.

Руки убийцы.

Линдси ждала заключения доктора Ватанабе.

— Следы удушения руками.

— Я еще на месте происшествия обратила внимание на эти синяки, — сказала Линдси.

— Отлично, детектив, — похвалила доктор Ватанабе, причем без всякой иронии в голосе. Она высказывалась прямо и точно, испытывала сострадание к жертвам преступлений. Полная противоположность своему предшественнику. Тот вечно кичился своими глубокими познаниями и не любил возиться с погибшими в ДТП.

— Какой смысл их вскрывать? Попали в аварию и погибли. Всё, точка.

— Доктор, по-вашему, она была жива, когда её сбросили с обрыва? — спросила Линдси.

Доктор Ватанабе посмотрела на неё через лицевой щиток.

— Сдается мне, что все эти царапины и ссадины нанесены посмертно. Крови мало. А это, как вам, полагаю, известно, указывает на то, что она была уже мертва, когда ударилась о дно ущелья.

Патологоанатом сделала Y-образный разрез, вскрывая тело. Линдси отвернулась. Это единственная часть процедуры — да еще визг пилы «Страйкер», вгрызающейся в череп, — которая нервировала Линдси. Наблюдать за тем, как взвешивают и измеряют вну-

тренние органы, было менее отвратительно. Самое жуткое — вскрытие трупа и визг пилы.

Стала сочиться кровь, и патологоанатом всё так же невозмутимо вставила отсасыватель, направляя все жидкости, что оставались в трупе, в сточный желобок — неглубокую канавку по периметру стола.

— Простите, детектив, но зрелище неприглядное. Падение с большой высоты. Ребра сломаны. Все органы всмятку, будто их пропустили через блендер.

Линдси кивнула.

— Куда-нибудь планируешь поехать на отдых? — спросила доктор Ватанабе.

— Пока нет.

— Слышала, Джека уже бросила его подружка?

— Да.

— Ну и дебил.

С этим Линдси не могла поспорить.

— Подъязычная кость сломана, — продолжала патологоанатом. — Сначала задушили, потом скинули.

— Её волокли. Грязь на пятках, — заметила Линдси.

— Молодец, внимательная, — кивнула доктор Ватанабе.

Процедура вскрытия приближалась к завершению. Патологоанатом фотографировала всё, что исследовала, взвешивала каждый орган и наговаривала подробности в микрофон, что свисал с потолка над столом. Наблюдая за её действиями, Линдси мысленно сравнивала внешние данные пропавших девушек, которых она отобрала из сводок происшествий. Одна из них, имевшая тот же рост — 5 футов 5 дюймов* и тот же вес — 108 фунтов**, что и убитая с водопада Мейпл, скорее всего, сейчас и лежала перед ними на секционном столе.

Позже в тот же день доктор Ватанабе подтвердила — сравнив зубную формулу трупа с данными медицинской стоматологической карты, хранившейся в одной из частных клиник Эверетта, — что убитой является Сара Бейкер, студентка университета Западного Вашингтона, об исчезновении которой заявила её соседка по квартире.

---

* 5 футов 5 дюймов = 165 см

** 108 фунтов = 49 кг

Глава 8

В самом начале одиннадцатого утра Линдси Джекман стояла перед дверью квартиры на нижнем этаже в одном из старых домов на Норт-Форест-стрит в Беллингеме. Молодая женщина, вышедшая на её стук, не дала ей вымолвить ни слова.

— Я знала, что это Сара, — с ходу выпалила она.

— Вы её соседка? Зоуи?

— Да. Зоуи Кармайн.

Линдси представилась.

— Это я сообщила об её исчезновении, — доложила Зоуи. — И университетской полиции, и Беллингемской. С ней точно что-то случилось, сказала я им. Она была не из тех девчонок, что вечно где-то пропадают. Смоются куда-нибудь, не говоря дурного слова, а потом ищи-свищи. Она была совсем не такая.

— Можно войти?

Зоуи, миниатюрная брюнетка с зелёными глазами и длинным узким носом, жестом пригласила Линдси в квартиру. На девушке были потертые джинсы и белый топ, придававшие ей богемный вид, что еще более подчеркивали украшения, которые она надела. Серебряные серьги размером почти что с китайские колокольчики, едва не касались ее плеч. Сама Линдси с трудом выносила даже «гвоздики» в ушах, а такие большие серьги уж точно свели бы её с ума.

— Я увидела в «Фейсбуке»! — вскричала Зоуи, едва закрылась входная дверь. — Девушка с водопада Мейпл. Это Сара! Она правда умерла, да?

— Мне очень жаль, Зоуи, — произнесла Линдси, стараясь успокоить её. — Для вас это ужасное потрясение. Я намерена выяснить, как это случилось. Ради вас. Ради Сары. Переведите дух. Расскажите о ней. Когда вы видели её в последний раз?

Они сели рядом на старом диване, застеленном красно-зелёным стеганым покрывалом. До Рождества оставалось еще несколько месяцев, а диван для гостей уже готов.

Зоуи, спрятав лицо в ладонях, зашлась плачем, который разносился по всей комнате. Её безобразные судорожные всхлипы,

вызванные страшным потрясением, исходили из самой глубины разбитого сердца.

— Мне очень жаль, — повторяла Линдси, с озабоченностью в лице склоняясь к девушке.

Зоуи уронила руки на колени и посмотрела на Линдси. Её глаза заволакивала пелена слез, рот был приоткрыт.

— О боже, — произнесла она, и слезы потекли по её щекам, капая ей в рот. — Детектив, что с ней случилось?

— Мы точно не знаем.

И это чистая правда.

— Она попала в аварию?

Их диалог напоминал игру «20 вопросов», на которые всегда даются односложные ответы.

— Нет, — ответила Линдси.

— Её убили! — вскрикнула Зоуи. — Убили! О боже. Какой кошмар!

— Мне очень жаль, — снова повторила Линдси.

И изменить ничего уже нельзя.

— Мы с Сарой знакомы с детства. Она была моей лучшей подругой. Я *знала:* с ней что-то стряслось. *Знала.* Но убийство? Кому понадобилось убивать такую девушку, как Сара? Она же ко всем хорошо относилась.

Линдси дала Зоуи выплеснуть свои эмоции, а затем мягко, наводящими вопросами стала выпытывать у неё информацию о Саре.

Обе девушки выросли в Эверетте. Сара была единственным ребенком в семье, её воспитывала тетя. Когда обеим исполнилось по четырнадцать лет, семья Зоуи поселилась по соседству с Сарой.

— Её родители умерли. — Зоуи поискала вокруг салфетку и, в конце концов, взяла бумажное полотенце. — Мы были как сестры. Мне *нужна* была сестра. Я была старшей в семье. У меня четыре брата. Мы все спали в одной комнате — куча мала.

— Наверно, она тяжело переживала смерть родителей, — произнесла Линдси.

— Не то слово. Очень тяжело. Никак не могла смириться. Особенно со смертью мамы. Постоянно говорила об этом.

Линдси подождала, пока Зоуи высморкается, и продолжила расспросы.

— Расскажите, как она пропала.

— В воскресенье мы пошли на рынок, довольно поздно. Последний раз, когда я её видела, она рассматривала какие-то серьги у одного из торговцев. Я болтала с одним парнем, а потом...

Зоуи умолкла.

— Что потом?

— Она исчезла. Исчезла и всё.

— Вы видели, как это произошло?

— Нет. Я подумала, что она вернулась домой. Разозлилась на меня за то, что я болтала с тем парнем. Или еще за что-то. У неё так бывало. Не то чтобы она злилась. Раздражалась.

— Вы звонили ей или, может, отправили сообщение?

— Да сразу же. А она не ответила. Вот я и забеспокоилась. На неё это было не похоже. Она постоянно держала телефон при себе. *В руке*. Даже не в кармане. Вся её жизнь была в этом телефоне.

Линдси отметила, что свой айфон Зоуи тоже не выпускает из рук.

Та принялась что-то в нем листать.

— Ненавижу, что наша переписка уходит всё глубже и глубже. В списке сообщений. После её исчезновения с каждым днем все наши последние слова сползают всё дальше и дальше вниз.

Линдси об этом как-то не задумывалась, но сразу поняла, что имеет в виду Зоуи. За то время, что прошло со дня самоубийства Алана, его текстовые и голосовые сообщения погрязли в пучине новых писем. Словно его голос заглушили. Каждая новая эсэмэска запихивала его сообщения все глубже в телефон, в ту его часть, которую никто никогда не просматривает.

Зоуи показала Линдси сообщения, которые она отправила Саре.

Красотка, ты где?

Эй, не желаешь встретиться перед ужином?

Сара! Куда ты убежала?

Я начинаю волноваться.

Ну хорошо, я уже волнуюсь.

Напиши мне.

Это уже не смешно.

Я не знаю, что делать.

Если не отзовешься, я звоню в полицию. Я не шучу. И если ты дуешься по какой-то причине, сама будешь виновата!

Я правда позвоню.

— И позвонила. В воскресенье поздно вечером, когда она не вернулась домой, я поняла, что произошло что-то очень серьезное. Я понятия не имела, что с ней стряслось — в аварию попала или её

похитили. Знала только, что это серьезно. Позвонила её тете. Той дома не оказалось. И я позвонила в полицию.

— Что вы им сказали?

— Да то же, что и вам. Возможно, слово в слово. Рассказала, как было. Что мы были на рынке и она исчезла.

Зоуи встала, бросила скомканное бумажное полотенце на столик перед рождественским диваном, и пошла на кухню.

— Водички хотите? — спросила она. — Или еще чего-нибудь. Я утром варила кофе. Могу подогреть в микроволновке.

— Нет, ничего не надо, спасибо, — отказалась Линдси. Она обратила взгляд на фото, что висело на стене. На нем две лучшие подруги стояли перед административным зданием университета Западного Вашингтона.

В комнату вернулась Зоуи.

— Это мы в прошлом году фотографировались, когда поступили в университет. Так счастливы были, что уехали из Эверетта.

— Что она изучала?

— Экологию и журналистику. Летом работала на ферме на острове Ламми.

Линдси кивнула.

— С вашего позволения, мне бы хотелось осмотреть её комнату.

— Конечно. — Зоуи пошла вперед, показывая дорогу. — Только не пугайтесь, — бросила она через плечо. — Сейчас сами всё увидите. Я всегда ей говорила, что её комната похожа на уголок дикой природы. Все стены картинками облеплены.

* * *

Зоуи были непонятны содержимое комнаты и эстетика дизайна Сары. Стены от пола до потолка устилали изображения и научные описания растений, насекомых, представителей дикой флоры и фауны северо-западного побережья США. Письменный стол — в идеальном порядке. На нем были выставлены экспонаты из мира природы: птичье гнездо, раковина лунной улитки, огромная шишка, в которой Линдси узнала плод сосны Ламберта. Засушенное осиное гнездо, по форме — ни дать ни взять китайский фонарик. На тумбочке у кровати высилась аккуратная стопка учебников.

Зоуи наблюдала за Линдси от двери комнаты.

— Идеальный порядок, — заметила Линдси. — Это она все в таком виде оставила?

— В принципе, да. Я только кровать застелила, потому что редактор из «Фронта» приходил, собирал материал для своей статьи об её исчезновении.

— Из «Западного фронта»? Из университетской газеты?

— Да. Карл или Карлтон, как-то так.

— Статья уже вышла?

— Да. На сайте.

Линдси заглянула в шкаф. Ничего примечательного. Проверила ящики туалетного столика. Тоже ничего.

— У Сары был парень?

— Да нет.

— Может, она кого-то выделяла?

— Да у неё не было времени ни на парней, ни на что другое. Она была слишком поглощена поиском путей спасения планеты от уничтожения. Я ей говорила, что планета подождет, что мы студентки и должны наслаждаться жизнью. Вселенная не станет возражать.

Линдси задвинула верхний ящик туалетного столика.

— Она говорила что-нибудь — может, намекала, — что у неё неприятности? Что её что-то беспокоит? Что-нибудь в этом роде?

— Да нет. То есть я ничего такого не припомню. Она вообще была не очень разговорчивая. Себе на уме. Просто хотела творить добро и никогда не стремилась быть в центре внимания.

Линдси направилась к выходу.

— Постойте, — крикнула ей вслед Зоуи. — Вообще-то, была одна странная вещь. Не то чтобы очень. Так, кое-что необычное.

— И что же это?

— На следующее утро после того, как она исчезла с рынка, её автомобиль был припаркован перед домом — там, где сейчас стоит.

— Понятно. И что же вас насторожило? — спросила Линдси.

— Значит, она вернулась сюда, но в дом так и не зашла. Вероятно, что-то произошло на парковке.

* * *

После ухода детектива Зоуи присела на краешек кровати Сары. Они с ней познакомились в школе, когда обе учились в одиннадцатом классе, и с тех пор дружили, с некоторыми перерывами. В последнее время, в силу разных интересов, крепкой дружбы между ними не было. Никакой драмы. Просто университет. Работа. Жизнь.

Зелёное одеяло, что Зоуи сейчас гладила, Сара привезла из дома. По мнению Зоуи, оно выглядело как сукно на бильярдном сто-

ле, но Сара утверждала, что все значимое в жизни имеет зелёный цвет.

— Зелёный цвет — не просто мой любимый, — говорила она. — Зелёный цвет — это цвет жизни.

Зоуи положила голову на подушку и стала просматривать сообщения в телефоне. Возможно, слова, которые она сказала своей лучшей подруге в тот день на рынке, и послужили причиной того, что Сара попала в беду.

Зоуи нашла эсэмэску, отправленную раньше тех, что она показала следователю. Когда при ней листала сообщения, постаралась, чтобы это не появилось на экране.

Сара, я не могу вечно с тобой нянчиться. Я хочу побыть с Бренданом. Исчезни куда-нибудь на пару часов, ладно?

Зоуи захлестнуло чувство вины. Она зажмурилась, выдавливая слезы в подушку.

Сара, я не имела в виду ничего дурного. Правда. Клянусь. Это я во всём виновата.